

А.А. Сычев

УДК 174

Профессиональная этика в условиях общества риска

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития профессиональной этики. Ее первообразами автор считает этики врача, рыцаря и монаха, сформировавшиеся в традиционном обществе и ориентированные на подвиг, самопожертвование, и святость. Собственно профессиональная этика рассмотрена на примере экономической, политической и научной этик эпохи Модерна, в которых нормы стали более конкретными, реалистичными, утилитарными. Требования – максимальные и перфекционистские изменились на умеренные, поступки стали определяться не абстрактным долгом, а конкретной ответственностью за свой участок работы. Большая часть действий, направленных на благо других, из разряда обязательных перешли в разряд желательных, а характерные для традиционной этики ориентация на выживание и принцип предосторожности сменились ориентацией на успех и готовностью идти на риск ради его достижения. Освенцим, Хиросима, Бхопал, Чернобыль продемонстрировали кризис ценностей Модерна и необходимость поиска новой этики для общества риска. Автор заключает, что одним из возможных вариантов преодоления глобального кризиса может быть возвращение к ключевым традиционным ценностям и актуализация принципа предосторожности. При этом выбор между максимумом и минимумом реакции в каждом конкретном случае зависит от научного, экономического и политического обоснования степени риска.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика врача, традиционное общество, Модерн, духовный кризис, общество риска.

Первообразы профессиональной этики

Для большей части профессиональных этических кодексов современности источником подражания и вдохновения является врачебная этика. «Едва ли не первый образ, возникающий в нашем сознании в связи с выражением “профессиональная этика (мораль)”, – клятва Гиппократата», – пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов [1, 3].

Гиппократ стал отцом медицины не только потому, что он отказался от религиозных и мистических практик ради поиска естественных причин и способов лечения болезней. Именно обязательства не вредить и творить благо позволили четко отделить медицинскую деятельность от других целительских практик (таких как знахарство или шаманство). Человек, изучающий медицину, становится полноправным врачом лишь после сознательной декларации своей при-

верженности соответствующим моральным нормам, то есть публичного произнесения клятвы врача. Для того чтобы человек стал профессионалом, медицинских знаний недостаточно: тот, кто использует эти знания во вред другим, не может считаться врачом и должен быть лишен права на медицинскую практику, если таковое было формально признано ранее. В этом контексте врачебная этика не является приспособлением универсальных моральных норм к специфике профессиональной деятельности. Это система норм, создающих саму эту деятельность.

Клятву Гиппократова в определенном контексте можно сравнить с системой правил игры в шахматы. Игра продолжается, пока игроки соблюдают правила; если один соперник начинает мошенничать, игра завершается. Точно так же медицина является медициной до тех пор, пока врачи соблюдают строгий этический кодекс: тот, кто проводит опыты на узниках концлагеря или предлагает безнадежным больным эвтаназию, теряет право называться врачом, даже если для его действий существуют убедительные оправдания. Врачебная этика для медицины – это система конституирующих норм, без которых медицина превращается в евгенику, бизнес, преступную деятельность и т.д. Соблюдение норм, в свою очередь, требует от врача нацеленности на максимальную самоотдачу, на подвиг. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов замечают, что «от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования: обычно для него недопустимо использовать профессию только как прибыльное занятие – врач должен *прежде всего* иметь в виду благо других людей» [1, 3].

Специфику профессиональной деятельности врача определяют два момента. Во-первых, он часто должен принимать решения в условиях недостатка объективных данных, и риск ошибки достаточно велик. Клятва Гиппократова призвана минимизировать риски в работе врача. Там, где данных для принятия решений нет, она призывает к предосторожности («не навреди»). Там, где возникают пограничные, этически неоднозначные ситуации (такие как аборт или эвтаназия), клятва однозначно отстаивает позицию в защиту жизни.

Во-вторых, пациент нередко оказывается в ситуации полной зависимости от врача, что создает возможности для злоупотребления последним своей властью. Там, где власть над людьми становится опасной, клятва Гиппократова четко очерчивает ее границы (принцип конфиденциальности, запрет на интимные отношения и т.д.). Собственно сама клятва – декларация добровольного самоограничения врача в своих действиях. Любое использование власти в своих целях – это не только отказ от нравственных идеалов медицины, но и подрыв репутации врача. Для того, чтобы пациенты доверя-

ли врачу свои здоровье и жизнь, у общества не должно возникать сомнений в том, что его действия могут быть направлены на что-либо, помимо помощи нуждающимся.

Пожалуй, наиболее близкой по духу этике врача в традиционном обществе была рыцарская этика. Уже в период Античности (судя по героическому эпосу Гомера) зарождаются элементы рыцарского этоса, на основании которых в Средние века оформляется целостная система нравственных норм и ценностей, складывающихся в своеобразный моральный кодекс. «Тот, кто желает стать рыцарем, должен начать новую жизнь, молиться, избегать греха, высокомерия и низких поступков. Он должен защищать церковь, вдов и сирот, а также заботиться о подданных. Он должен быть храбрым, верным и не лишать никого его собственности. Воевать он обязан лишь за правое дело. Он должен быть заядлым путешественником, сражающимся на турнирах в честь дамы сердца; повсюду искать отличия, сторонясь всего недостойного; любить своего сюзерена и оберегать его достоинство; быть щедрым и справедливым; искать общества храбрых и учиться у них, как совершать деяния великие, по примеру Александра Македонского» [7, 86].

Рыцарство – это не только владение оружием или способность побеждать на турнирах, но и совокупность добродетелей, включающая мужество, доблесть, благородство, верность и т.д. Рыцарь – это человек, который ведет себя в соответствии с высокими нравственными идеалами. Нельзя было назвать рыцарем мародера, труса, предателя, даже если те были людьми, принадлежащими к рыцарскому сословию и обладавшими всеми внешними признаками рыцарей. Как и в случае врача, именно моральные нормы конституировали рыцарство как особую форму деятельности и стиль жизни.

Сходные элементы моральной кодификации деятельности присутствуют и в монашеских уставах. Монашество как образ жизни фактически определяется обетами нестяжания, послушания, целомудрия и вне системы этих обязанностей существовать не может. Понятие «монах» так же, как и понятия «рыцарь» и «врач», нормативно нагружено. Это не те, кто занимаются какой-то специфической деятельностью, а те, кто должен себя вести определенным образом.

Рыцарь и монах – нечто гораздо большее, чем только профессии. Это образ жизни, осознанный выбор, призвание, подвижничество. В не меньшей степени это относится и к врачу – этика врача выходит далеко за границы собственно профессиональной деятельности. Это нормы, ориентированные на подвиг и святость. Клятва врача, рыцарский кодекс, монастырский устав – это своды принципов, добро и зло в которых четко определены и отделены друг от друга, и

никакие компромиссы не допустимы. Они выдвигают требования жить так, как будто человек находится в идеальном мире. Конечно, в реальности соответствовать этим чрезвычайно высоким моральным требованиям в полной мере было невозможно. Однако уже сама направленность на высокие стандарты, осознание неправильности отступления от декларируемых норм свидетельствуют о том, что моральным соображениям в традиционном обществе отдается однозначный приоритет перед более приземленными задачами.

Этика врача, рыцаря, монаха – это своеобразные первообразы профессиональной этики, которые стали моделями для формирования ее «идеально-должного» уровня. В ходе ускорения процессов разделения труда и профессионализации общества, которая начинается на исходе Средневековья, центр регуляции профессиональной этики все сильнее смещается на уровень «реально-должного».

Профессиональная этика в пространстве реального

К закату Средневековья в Европе складываются особые системы профессиональной этики, существенно отличающиеся от традиционных. Между этикой врача, рыцаря, монаха – с одной стороны, и предпринимателя, политика, ученого – с другой, множество различий, корнящихся в степени ответственности профессионалов перед обществом, пределах их власти над зависимыми людьми, уровне риска при принятии решений и т.д. Различия эти не в последнюю очередь предопределены историческими условиями формирования базовых типов профессиональной этики. Основное из них заключается в том, что профессиональная деятельность в эпоху Модерна больше не приспособляется к существующим нормам морали, а, напротив, пытается адаптировать их к своим потребностям. Моральные нормы перестали быть конституирующими: профессиональная деятельность теперь регулируется иными механизмами: политическими, экономическими, правовыми и т.д.

Классическая античная и средневековая философии еще переносили традиционную этику внутрисемейных отношений на политическую деятельность. Правителю вменялось в обязанность быть нравственно безупречной личностью: справедливым отцом нации и образцом для подражания подданных. Однако к Новому времени сложились устойчивые представления о том, что приверженность морали не является конституирующим условием для профессиональной самореализации. Более того – значительное количество людей убеждены, что политик в своей деятельности может обойтись без общечеловеческой морали. В эпоху Возрождения в творчестве Н. Макиавелли зарождаются представления об особой – политиче-

ской – морали, кардинально отличной от традиционной. Они опираются на предположение, согласно которому «участники политики, поскольку они стремятся действовать и эффективно, и нравственно, должны руководствоваться особым видом морали, отличным от той, которую они именуют обычной, универсальной, приватной, моралью частной жизни» [5, 68]. Политическая мораль позиционируется как практичная и реалистичная в отличие от непрактичной идеалистической морали традиционного общества, совершенно бесполезной для разрешения реальных проблем, с которыми приходится иметь дело политику. В рамках политической морали появляется возможность оправдать нравственно сомнительные или вовсе аморальные средства, если это позволит избежать еще большего насилия в будущем. Такая мораль по определению не предполагает универсализма, поскольку не может отказаться от дихотомии своего и чужого, друга и врага как базовой интуиции политики.

Сходные процессы происходят в сфере экономики. Мораль в предпринимательской деятельности, при всей ее важности, не является определяющей. Бизнес, не преследующий никаких иных целей, помимо получения прибыли, остаётся бизнесом. Хотя общество всячески приветствует акты благотворительности, от предпринимателя не требуют, например, поддержки социальной справедливости. Добродетели, высоко ценимые в протестантском этосе – трудолюбие, бережливость, честность – важны не в силу того, что моральны, а потому, что они способствуют достижению успеха в реальном мире. Более того, с точки зрения некоторых крайне либеральных философов и экономистов, мораль производна от экономических отношений. Только «невидимая рука рынка» способна упорядочить социальные взаимодействия к взаимной выгоде всех их участников. В либертарианской картине мира предприниматель, преследуя собственные интересы, насыщает рынки продуктами, создает рабочие места и т.д., способствуя тем самым максимизации общественного блага. Напротив, любые вмешательства в сбалансированный рыночный механизм, в том числе основанные на сугубо альтруистических соображениях, могут привести к иждивенчеству, дефициту товаров, увеличению уровня бедности и прочим социальным проблемам. Иными словами, гарантией нормального развития общества является исключительно «бизнес как обычно», любые же попытки осчастливить граждан, например, искусственно уравнивая их благосостояние, ведут к разнообразным искажениям естественного порядка вещей. М. Фридман пишет об ответственности бизнеса так: «Все шире распространяется мнение, что на руководителях корпораций и профсоюзных лидерах лежит некая “социальная ответственность” помимо служе-

ния интересам их акционеров или членов юнионов. Это мнение избличает глубоко неверное представление о характере и природе свободной экономики. При такой экономике у бизнеса имеется одна и только одна социальная ответственность – использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, рассчитанной на увеличение своих прибылей, соблюдая при этом правила игры, т.е. участвуя в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества» [8, 157]. Таким образом, правила игры, конституирующие пространство бизнеса, являются исключительно экономическими, а не моральными.

В XVII веке как влиятельный социальный институт оформляется наука. С ней возникает и особый этос ученого, фундаментом которого является вера в прогресс и безграничные возможности разума. Любые ограничения на пути научного и технического прогресса рационально мыслящему человеку представлялись проявлением обскурантизма, попыткой замолчать Истину. Все, что делала наука, считалось по умолчанию правильным, а в ситуации риска Гиппократово «не навреди» сменилось принципом «в случае сомнения – за прогресс». Философы эпохи Нового времени видели в будущем общество свободы и равенства, устроенное на разумных началах и научных расчетах – Новую Атлантиду, позитивную стадию социального развития, ноосферу. Новые моральные принципы, по которым необходимо жить этому идеальному обществу, должны быть обоснованы рационально: доказаны в геометрическом порядке, выведены из естественных законов общественного развития, верифицированы с учетом законов логики и т.д., то есть все моральные «должно» полагалось выводить из научных «есть».

Таким образом, в условиях кризиса традиционной морали различные сферы и подсистемы социальной жизни попытались занять вакантное место и принять ее функции на себя. Экономическая, политическая, научная и прочие этики сформировали пространство новой профессиональной морали, в котором нормы стали более конкретными, практичными, утилитарными по сравнению с идеализмом традиционной этики. Изменились требования – из максимальных и перфекционистских они стали умеренными, вполне посильными; поступки стали определяться не абстрактным долгом, а конкретной ответственностью за свой участок работы. Меняется объект служения: профессионалы демонстрируют не приверженность общечеловеческим нормам морали, а лишь преданность профессии. От профессионала перестали требовать подвигов и альтруизма, признав, что в ходе своей деятельности он должен, прежде всего, учитывать свои собственные интересы. Большая часть действий, направленных на благо других из разряда обязательных перешли в разряд желатель-

ных. Наконец, характерные для традиционной этики ориентация на выживание и принцип предосторожности сменились ориентацией на успех и готовностью идти на риск ради его достижения.

Профессиональная этика в ситуации риска

В XX веке радужные построения теоретиков Модерна начали один за другим разрушаться. Практические попытки воплотить в жизнь различные проекты масштабного переустройства общества на рациональных началах завершились крахом. Обратной стороной форсированного научного, технического и промышленного развития стали масштабные техногенные катастрофы, загрязнение окружающей среды, разбалансировка климатических процессов. Изобретение атомного оружия поставило мир на грань ядерной катастрофы. Биотехнологические эксперименты изменили систему отношений в обществе и поставили под вопрос существование в будущем человека как вида. В итоге, как пишет Г. Йонас, «теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или страх за человека становится основным мотивом мышления» [4, 29-30].

Какой должна быть правовая этика после Освенцима, политическая этика после Хиросимы, экономическая этика после Бхопала, научная этика после Чернобыля? Очевидно, что те системы профессиональной морали, которые сформировались в Новое время, не только не способны были предупредить эти и подобные им катастрофы, а напротив – находились в ряду их причин. Экономика, политика, наука и техника, эмансипированные от внешних моральных ограничений превратились в самостоятельные силы и фактически вышли из-под всякого контроля. Работа промышленных предприятий, военные конфликты, крупные научные открытия – все это порождает серьезные риски, в том числе угрожающие выживанию человечества. Основная задача современности, как пишет У. Бек – «предотвратить систематически возникающие в процессе прогрессивной модернизации риски и опасности, сделать их безопасными, канализировать, а там, где они уже появились на свет в виде “скрытых побочных воздействий”, так отграничить и отвести в сторону, чтобы они не вставали на пути процесса модернизации и в то же время не выходили за пределы (экологические, медицинские, психологические, социальные) “допустимого”» [3, 22].

Этике сложно найти ответы на вызовы глобального кризиса, поскольку она сама находится в кризисной ситуации. Как отмечает А. Макинтайр: «в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы

продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» [6, 7]. В эпоху Модерна были созданы многообразные этические системы, противоречащие не только традиционной морали, но и друг другу. В современной морали, в том числе профессиональной, не существует однозначных и ясных положений, подобных принципам клятвы Гиппократова: на традиционные представления о призвании, служении, долге накладываются идеи о политической морали, экономической необходимости, научной рациональности, которые возникли в других исторических условиях, и в ситуации общества риска оказались непригодны для поиска общезначимых моральных ориентиров.

Тем не менее, ситуация не является однозначно тупиковой: в схожих условиях (например, при переходе от традиционного общества к современному) человечество уже демонстрировало способность находить адекватный ответ на стоящие перед ним вызовы. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов утверждают, что «моральный кризис, расшатанность нравов означают не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни» [2, 239].

Одним из возможных вариантов преодоления глобального (экологического, экономического, политического, духовного) кризиса может быть возвращение к ключевым ценностям и принципам традиционного общества на новом уровне. Основной целью человека на первоначальном этапе было выживание, и именно угроза жизни заставила сформулировать первое из известных нам положений профессиональной этики – «не навреди». Сегодня человечество вновь находится на грани выживания, и это предполагает актуализацию принципа предосторожности. Если существует возможность того, что действия могут в перспективе привести к серьезному, необратимому ущербу, они могут совершаться только при наличии четких научных данных, свидетельствующих о безопасности. Фактически применительно к современному обществу можно говорить о сфере «вероятностно-должного». Если «идеально-должное» ориентирует на моральный максимум, подвиг, служение, а «реально-должное» – на минимум, посильные действия, совпадающие с личным интересом, то «вероятностно-должное» предполагает, что выбор между максимумом и минимумом реакции в каждом конкретном случае зависит от научного, экономического и политического обоснования степени риска.

Одним из проявлений кризиса в духовной жизни общества является ситуация, сложившаяся с профессиональной этикой в современном университете. С одной стороны, на процесс обучения оказывает давление экономическая этика, превращая его в конвейер по массовому производству профессиональных компетенций, востребованных экономикой. С другой стороны, академическое сообщество отстаивает идеи высокой миссии «чистой науки» и не нагруженного какими-либо утилитарными целями служения Истине. Выход из этого противостояния предполагает помещение потребностей науки и экономики в более широкий контекст этики предосторожности, общий для различных моделей профессиональной этики.

Принцип предосторожности в его современном варианте предполагает необходимость самоограничения любых профессиональных практик, тем самым подводя науку, экономику, политику под общий моральный знаменатель. Достаточно активно этот принцип развивается в биоэтике (которую В.Р.Поттер позиционировал именно как «этику выживания»), экологической этике и прочих прикладных этиках, стремящихся поставить заслон на пути потенциально опасных практик и технологий современности. Иными словами, этика предосторожности и выживания вновь имеет шанс стать конституирующей для профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю. В.* Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 3-13.
2. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. 392 с.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2004. 480 с.
5. *Капустин Б. Г.* Макиавелли и проблема политической морали // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 68-104.
6. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

7. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 510 с.

8. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.